

Криминальное чтение Мольера

В Петербурге на Фестивале Союза театров Европы сыграли спектакль «Тартюф» Габора Жамбеки

Известия —
2003 — 18 окт. — с. 14

Союз театров Европы был создан по инициативе Джорджо Стрелера в те благословенные дни, когда еще можно было утверждать, что в мире есть театры (не режиссеры, а именно театры) хорошие, плохие и лучшие. Последние и объединились в союз, образовав что-то вроде высшей театральной лиги. От России в него попали МДТ Льва Додина и Школа драматического искусства Анатолия Васильева. От Венгрии — театр им. Йожефа Катоны, возглавляемый Габором Жамбеки.

Марина ДАВЫДОВА

Жамбеки, имя которого мало что говорит русскому зрителю, — очень важная персона. Он не только самый статусный режиссер Венгрии. Он еще и президент Союза театров Европы. То есть самый главный среди самых крутых. Всем VIPам VIP. И тут уж положение обязывает.

Всякий художник — тем паче крупный художник — имеет право на провал. Всякий может заблудиться в дебрях собственной фантазии, выбрать не ту тропинку, зайти в тупик. Но «Тартюф» Жамбеки — не провал, не дебри и даже не тупик. Это образцово-показательное пустое место. Сыграй мне такой спектакль где-нибудь в европейской глуши в постановке режиссера N, я бы не имела никаких претензий. Ну поставили люди европейскую классику, текст произнесли по ролям без запинки, свет вовремя зажигался, музыка когда надо звучала. Но мы не в провинции и Жамбеки — не N. Что же все так скучно и безвдохновенно?! Так предсказуемо! И реакции артистов, и режиссерские ходы, и несообразности. Даже непредсказуемости тоже предсказуемы. Способ осовременивания пьесы уж так предсказуем,

что хочется немедленно снимать с персонажей все их свитерки, джинсики и костюмчики-тройки и нарядить в кринолины, фижмы и парики времен Людовика XIV. Хоть простому зрителю будет на что полюбоваться. Портрет этого самого Людовика с потеками красной краски у губ (вот она власть-кровопийца) и косящими для большого гротеску глазами ни к селу, ни к городу висит в рамке посреди сцены. Вы уж или свитерки снимите, или портрет прикройте.

Сценографии у спектакля нет вовсе (есть некое нагромождение сценографических элементов, словно рабочие сцены минут за 15 до начала представления понатащали из-за кулис все что им попало под руку и на глаза). Зато концепция наличествует. Тартюф у Жамбеки — откровенный подонок. Не сластолюбивый, а похотливый. Не коварный, а вероломный. Не лицемер, а самый настоящий бандюга — с короткой стрижкой, в босноножках, в рубашке на выпуск. Ходит с картонной коробкой, в которую, как в оклад, запрятана кичевая мадонна с младенцем. Молиться на эту мадонну так же глупо, как вставать на колени перед фотографией группы «Тату», но Тартюф встает. И поверить в его святость может лишь умалишенный

или умственно отсталый. Почему в нее верит Оргон, написанный у Мольера предельно наивным, но все же вменяемым человеком, какое отношение ко всей этой бандитской истории имеет мольеровская история святоши и простофили, я не знаю. Боюсь, режиссер тоже не знает. Просто эти вопросы он, видимо, забыл себе задать.

Криминальный мир и его представитель в лице святоши-отморозка, ясное дело, крепко-накрепко срослись с властью. В финале, когда посланец короля (откуда в этом уркаганском мире выискался король я, хоть убей, тоже не понимаю) объявляет Тартюфу, что он арестован, самый наивный зритель смекает — это все фарс. Победа будет за силами зла. Просто Тартюф и его дружбаны из высших сфер комедии ломают. Грабят несчастных людей с особым цинизмом. У меня есть к режиссеру еще один вопрос. А зачем этому Тартюфу, если он такой грубиян и так сросся с властью, вообще лицемерить, очки втирать и в доверие к хозяину втираться, перед картонной коробкой поклоны бить и т.д.? Не проще ли без обиняков и поклонов выбросить

всех этих фраеров на улицу, да и дело с концом.

Эту пьесу, кстати, совершенно не обязательно, а по-моему, и не надо осваивать с помощью головоломных концепций. Ее надо просто хорошо сыграть. Всякий, кто помнит мхатовский спектакль Анатолия Эфроса, может с радостью это засвидетельствовать. В нем ведь не было никаких особенных режиссерских прозрений, но, вспоминая Оргона—Калаягина или Эльмиру—Вертинскую, до сих пор расплываешься в блаженной улыбке. Чего стоило одно виртуозное словозвержение Юрия Богатырева в роли самозабвенного резонера Клеонта. В этом спектакле была радость от встречи с упоительно смешным и таким понятным в сущности текстом. В спектакле Жамбеки сплошное уныние: вот, граждане-артисты, перед вами классическое произведение мировой литературы, и надо бы его как-то актуализировать, превратить трагедию наивности в криминальную хронику, обличительного пафоса поддать, сделать поострей да позадиристей. Не надо позадиристей. Можно просто поталантливей.

Петербург

СПРАВКА «ИЗВЕСТИЙ»

Фестиваль Союза театров Европы проходит в двенадцатый раз. В России он проходит впервые. Его организаторами с нашей стороны стали театр-фестиваль «Балтийский дом» и один из членов союза — питерский МДТ. В программе фестиваля — спектакли Джорджо Стрелера («Арлекин, слуга двух господ»), Деклана Доннеллана («Двенадцатая ночь»), Льва Додина («Московский хор», «Дядя Ваня»), Кристиана Люпы («Кальверк»). Закрывается фестиваль в конце октября спектаклем Эймунтаса Някрошюса «Времена года Донелайтиса».